

Е. А. ГОРОХОВСКАЯ

**ЖИЗНЬ В СОВЕТСКОМ ПЛЕНУ
И ДВЕ ВЕРСИИ «РУССКОЙ РУКОПИСИ» КОНРАДА ЛОРЕНЦА**

Один из самых сложных, трагических периодов в жизни австрийского ученого Конрада Лоренца (1903 — 1989), основоположника (вместе с голландским зоологом Николасом Тинбергеном) этологии — науки о поведении животных, связан с пребыванием в СССР. С середины 1944 по декабрь 1947 г. включительно Лоренц находился здесь в качестве военнопленного. Однако, несмотря на все трудности и лишения, которые выпали на его долю, это время оказалось для него весьма плодотворным в творческом отношении. В плену ему удалось написать обширный научно-философский трактат, известный теперь под условным названием «Русская рукопись». После возвращения на родину Лоренц надеялся опубликовать свой труд, естественно, подвергнув его определенной доработке, но потом отказался от этого намерения. Тем не менее он постоянно использовал эту рукопись в работе над последующими своими публикациями. В значительной степени именно «Русская рукопись» послужила основой для его книги «Оборотная сторона зеркала», изданной в 1973 г. [1]¹. Кроме того, эта рукопись стала прообразом и другой его более поздней книги «Основы этологии» (1978) [2]. А сразу после возвращения из плена Лоренц часто читал вслух отрывки из «Русской рукописи» своим ученикам, используя ее в качестве первого учебника по этологии [3; 4].

Лоренц привез с собой из плена научный труд, написанный им от руки. Однако по требованию советских властей он также сделал его машинописный вариант, который остался в СССР. Изучение этого машинописного варианта «Русской рукописи» вместе с другими имеющими отношение к Лоренцу материалами, которые хранятся в Российском государственном военном архиве [5; 6; 7], позволило мне установить ряд новых, не описанных ранее фактов и открыло новые уникальные возможности для анализа эволюции научных идей Конрада Лоренца.

Впервые архивные документы, относящиеся к пребыванию К. Лоренца в советском плену, были найдены в 1990 г. отечественными учеными-зоологами — академиком В. Е. Соколовым и доктором биологических наук Л. М. Баскиным в Центральном государственном архиве СССР. В 1992 г. этот архив переименовали в Центр хранения историко-документальных коллекций, который в 1999 г. был присоединен к Российскому государственному военному архиву (РГВА).

¹ Это название в свое время предложил товарищ Лоренца по плену по фамилии Циммер (Zimmer), с которым они были вместе в лагере в Ереване.

В 1992 г. В. Е. Соколов и Л. М. Баскин опубликовали в журнале «Природа» небольшую статью [8], в которой сообщили об обнаруженных ими в архиве документах: «Учетном деле» Конрада Лоренца, содержащем опросные листы из двух лагерей для военнопленных, а также, что особенно поразило авторов, о двух машинописных экземплярах рукописи Лоренца на немецком языке — более 200 страниц каждый — под названием «Einführung in die vergleichende Verhaltensforschung» («Введение в сравнительное изучение поведения»). Однако, кроме самого факта наличия в архиве рукописи, больше о ней ничего не сообщалось. Авторы лишь частично пересказали содержание опросных листов (в основном кратко биографические сведения) и привели часть текста хранящейся в «Учетном деле» характеристики Лоренца. Судя по всему, они не были знакомы с воспоминаниями самого Лоренца о его пребывании в плену, иначе они не сделали бы некоторых ошибочных предположений о его жизни в этот период.

Из статьи также неясно, знали ли ее авторы о написанном от руки экземпляре рукописи, который Лоренц взял с собой. Между тем в 1992 г., т.е. в том же году, когда появилась их статья, рукописный вариант был опубликован в Германии под названием «Die Naturwissenschaft vom Menschen. Eine Einführung in die vergleichende Verhaltensforschung. Das Russische Manuscript (1944—1948)» [9]. (Английский перевод этого варианта был издан в 1996 г. [10].) В том же 1992 г. архивное дело Лоренца просмотрел приехавший в Россию австрийский военный историк Стефан Карнер. В своей книге об австрийских военнопленных [11], упоминая о машинописном варианте рукописи, хранящемся в РГВА, он дает ссылку на немецкое издание рукописного варианта.

С тех пор никаких публикаций о хранящихся в России архивных материалах, связанных с Конрадом Лоренцом, больше не появлялось. Я смогла приступить к изучению этих документов только недавно, поскольку долгое время они были недоступны для рядовых исследователей.

Уже в самом начале работы я сделала два важных открытия. Во-первых, я обнаружила, что к одному из машинописных экземпляров рукописи Лоренца [7] подшито написанное от руки личное письмо Лоренца, адресованное некоему советскому академику. Хотя в письме, к сожалению, не названо его имя, из текста ясно, что речь идет о конкретном человеке. Во-вторых, досконально сравнив текст хранящегося в РГВА машинописного варианта рукописи [6; 7] с текстом опубликованного в Германии рукописного варианта [9], я обнаружила, что они заметно различаются. Из воспоминаний Лоренца мне было известно, что начальник того лагеря, где он сделал машинописный вариант, спрашивал Лоренца, совпадает ли перепечатанное с рукописным экземпляром, который он собирался взять на родину [12; 13]. Лоренц ответил, что в машинописном варианте он кое-что сократил, кое-что добавил и улучшил стиль. Этим кратким замечанием он и ограничился. Мое же исследование показало, что различия между двумя рукописями — опубликованным текстом увезенного рукописного варианта и оставшимся в России архивным машинописным текстом — во многих местах весьма значительны. Целые куски текста рукописного варианта заменены в машинописном варианте новыми с другим содержанием. При пере-

печатке внесено много добавлений разного объема и почти весь изначальный текст в той или иной степени подвергся правке — от незначительных редакционных исправлений до существенных изменений формулировок.

Кроме того, я тщательно проанализировала «Учетное дело» Конрада Лоренца [5]. Сопоставление чрезвычайно скупых сведений, содержащихся в «Учетном деле», с воспоминаниями Лоренца позволило мне уточнить ряд деталей, относящихся к этому периоду жизни знаменитого австрийского ученого.

Прежде чем подробно изложить полученные мною результаты, я остановлюсь на истории пребывания Лоренца в плену, известной по его воспоминаниям. Кое-что об этом он поведал в своих автобиографических очерках [13; 14], а что-то с его слов пересказано его биографом Алемом Нисбеттом [12] и его близкими [3; 4; 15; 16; 17; 18; 19].

Лоренца призвали в армию в октябре 1941 г. Сначала непродолжительное время он был инструктором по вождению мотоцикла. Затем более двух лет прослужил на захваченной Германией территории Польши в Познани сперва в качестве военного психолога, а с мая 1942 г. в качестве невролога и психиатра в резервном госпитале [12; 13].

На фронте он оказался только в апреле 1944 г. Его направили в Белоруссию, в полевой госпиталь близ Витебска. В это время советские войска, быстро наступая, стали окружать Витебск, и в конце июня Лоренц попал в плен. Подробный рассказ о том, как это случилось, есть в его биографии, написанной А. Нисбеттом [12, с. 94 — 95]. Пытаясь выбраться из окружения, Лоренц невольно оказался во главе группы немецких солдат и сержантов, а когда те отчаялись и отказались идти дальше, продолжил свой путь в одиночку. В какой-то момент, когда ему нужно было пересечь дорогу, он даже затесался в колонну идущих по этой дороге советских войск, предварительно избавившись от головного убора и знаков различия. В своем движении Лоренц ориентировался по тому направлению, куда стреляли советские войска. Однако, добравшись до обстреливаемой позиции, он снова попал к советским военным. Там, где кольцо окружения сжималось, свои стреляли по своим, как нередко бывает в таких ситуациях. Но и на этот раз Лоренцу удалось убежать, и его захватили в плен лишь тогда, когда он, обессиленный, заснул в поле.

В первом лагере для военнопленных, куда он попал, не хватало медицинского персонала. И он, будучи раненным в руку, сразу стал оперировать других раненых пленных. В конце концов он потерял сознание и сам оказался на операционном столе.

В дальнейшем Лоренц около года провел в госпитале для военнопленных в Халтурине под Кировом [12; 13; 14]. Там он вел отделение на 600 коек, где в основном лежали пациенты, страдавшие от так называемого «полевого полиневрита» — заболевания, вызванного совместным действием стресса, перенапряжения, холода и недостатка витамина С. Без должного лечения болезнь быстро приводила к смерти. Здесь врачи не знали про это заболевание и не могли помочь больным. Лоренц правильно поставил диагноз и смог порекомендовать лечение, вполне доступное в тех условиях, — большие дозы витамина С, покой и тепло. В результате он спас жизни многих людей. Один из его бывших

пациентов, которого по причине тяжелого увечья уже в 1945 г. репатриировали в Австрию, с большим риском для себя привез жене Лоренца записку, в которой тот сообщал, что жив (при обысках этот человек прятал записку за щекой) [13, с. 275].

Лоренц пишет, что он научился бегло говорить по-русски и у него легко устанавливались дружеские отношения с советским персоналом, особенно с врачами [14, с. 181].

После того как госпиталь в Халтурине был расформирован, Лоренца ненадолго отправили в лагерь в Оричи, поблизости от Халтурина, где он работал врачом, а затем перевели в Армению, в лагерь на окраине Еревана [13; 14]. Там он тоже выполнял обязанности лагерного врача. В этом лагере он пробыл вплоть до осени 1947 г.

В Армении у Лоренца появилось свободное время, и он решил писать научный труд, посвященный поведению человека и животных, а также философии знания. Большой проблемой было достать письменные принадлежности. Значительную часть рукописи Лоренц написал не на обычной бумаге чернилами, а на кусках мешка из-под цемента раствором марганцовки. За несколько кусков хлеба лагерный портной разгладил ему уютным плотный бумажный мешок, который Лоренц потом разрезал на подходящие куски [13, с. 275].

Товарищи по лагерю, зная, что Лоренц пишет научную работу, считали это опасным. В своей книге о Лоренце А. Фестетикс сообщает (со слов Лоренца), что тот занимался этим с разрешения служившего в лагере советского врача Осипа Григорьяна. По специальности он был ортопедом и восхищался достижениями отца Лоренца — знаменитого хирурга-ортопеда Альфреда Лоренца. Поэтому он отнесся к его сыну с особым вниманием и доброжелательностью [15, с. 127]. В конце концов при очередной инспекции высокого начальства рукопись была обнаружена, да и, судя по всему, Лоренц не слишком скрывал свое занятие [12; 13; 17]. Он обратился с официальной просьбой о разрешении увезти рукопись с собой (дочь Лоренца Агнес, подготовившая эту рукопись к публикации, сообщает, что на оборотной стороне листов рукописного экземпляра его труда есть наброски письменного прошения [3, с. 127]). В связи с этим было принято решение перевести его в лагерь в подмосковный Красногорск, где он должен был перепечатать рукопись на машинке, после чего машинописная копия должна была быть отправлена цензуре. Лоренц вспоминал, какие мучительные переживания он испытывал, когда один уезжал в Красногорск, а в это время его товарищи по лагерю садились в поезд, направлявшийся на Запад [3, с. 127]. Таким образом, ради рукописи он пошел на большую жертву: вместо того чтобы скорее спешить домой, он отправлялся в неизвестность. Ему было неясно, сколько еще времени он пробудет в плену и не грозят ли неприятностями его хлопоты о рукописи.

В Красногорск Лоренц приехал в пассажирском поезде в отдельном купе в сопровождении только одного конвойного [3; 13]. В декабре 1947 г. он закончил перепечатку, и рукопись направили цензуре. В случае положительного ответа Лоренц мог взять с собой только рукописный вариант. Приближался срок репатриации очередной партии австрийцев, а ответа все не было. И тут случи-

лось чудо. Лоренца вызвал к себе в кабинет начальник лагеря и спросил его, может ли тот дать ему честное слово, что рукописный вариант его труда, который он собирается взять на родину, по своему содержанию совпадает с машинописной копией, отправленной цензору. Лоренц стал объяснять, что внес некоторые исправления. Начальник лагеря засмеялся и сказал, что имеет в виду другое: нет ли в рукописном экземпляре чего-то помимо науки. Лоренц искренне заверил его, что с этим все в порядке. Тогда начальник лагеря выписал документ, разрешающий Лоренцу взять с собой рукопись, а на словах отдал распоряжение конвойному офицеру, чтобы его не обыскивали и чтобы это указание устно передавалось каждому следующему конвойному. Лоренц был потрясен таким доверием, он полагал, что в его жизни больше не было случая, когда один человек в подобной ситуации поверил бы другому на слово [12; 13; 14; 15].

Вместе с рукописью Лоренцу разрешили взять с собой двух выращенных им ручных птиц — скворца и рогатого жаворонка, привезенных еще из Армении, а также вырезанную им самим деревянную статуэтку утки, которую он собирался подарить жене на день рождения [13; 18]. Дочь Лоренца Агнес вспоминает, что багаж, с которым Лоренц прибыл домой, кроме рукописи и птиц, включал в себя лишь самодельную трубку из кукурузного початка, жестяную ложку и самые необходимые туалетные принадлежности [3, с. 12].

Конрад Лоренц вернулся домой, в село Альтенберг под Веной, 21 февраля 1948 г. (его дочь Агнес в предисловии к публикации «Русской рукописи» сообщает другую дату — 18 февраля [3], но я здесь ориентируюсь на письмо жены Лоренца Маргарет к его другу Отто Кёлеру от 23 февраля 1948 г. [19, с. 317]). Вскоре в письме к О. Кёлеру, выражая радость по поводу того, что смог привезти рукопись, Лоренц пишет: «Это стоило мне двух месяцев, но это плата за труд, которому я отдал 4 года, хотя и с перерывами» [19, с. 317]. А в письме Отто Кёнигу, написанном примерно в то же время, он отмечает «неслыханно великодушную поддержку советских властей» в том, что касается его рукописи [18, с. 62].

Но вернемся к пребыванию Лоренца в плену. Там он вел чрезвычайно активную жизнь. Его деятельность в Армении не исчерпывалась обязанностями врача и работой над рукописью. Для своих товарищей по лагерю он, по его словам, выступал в качестве «смеси медика, отца-исповедника и клоуна, причем последняя роль была не менее важной» [13, с. 275]. Лоренц регулярно устраивал вечера самодеятельности, для которых он придумывал программу, и часто сам на них выступал. Он даже организовал постановку первой части «Фауста» Гёте (это единственная книга, которая у него была) [3; 20]. Кроме того, он прочел для своих товарищей целый курс лекций по поведению животных [6; 15; 20].

Чтобы вывести военнопленных из состояния апатии, Лоренц уговорил их делать доклады по вопросам, в которых они разбирались или которыми интересовались. Он также занимался групповой психотерапией, чтобы улаживать и предотвращать жестокие ссоры, которые были нередки в условиях лагеря. Многие потом признавались, что без него они не смогли бы выдержать жизнь в лагере (см. [20, с. 158—159]).

По рассказам бывших товарищей по плену, Лоренц пользовался большим авторитетом и популярностью как среди военнопленных, так и среди служащих лагеря [11; 12; 20]. Насколько было известно самому Лоренцу, русские не проявляли жестокости по отношению к военнопленным. В то же время он слышал от вернувшихся на родину о проявлениях садизма в американских и французских лагерях. По отношению лично к себе он также не испытывал притеснений или враждебности со стороны лагерного начальства или охранников. Лоренц считал, что ни разу не попадал в действительно плохой лагерь и что там, где служащие не воровали, военнопленных кормили вполне сносно, и именно в таких лагерях ему посчастливилось быть [12, с. 97].

Однако естественно, что рацион пленных был довольно скудным, и Лоренц старался пополнить свою пищу белками и витаминами, поедая виноградных улиток, насекомых и пауков. Он пытался уговорить своих товарищей следовать этому примеру, но без особого успеха [3, с. 11]. Лоренц даже прочитал им целый курс лекций о том, какие съедобные корни, ягоды и каких съедобных мелких животных можно найти в дикой природе и как их готовить. Однажды он вызвал панический ужас у охранника, когда в его присутствии поймал тарантула, оторвал у него брюшко и тут же съел [12, с. 98]. Впрочем, привычка есть насекомых у него возникла еще до лагеря [12, с. 98].

Наблюдая, с каким удовольствием поедают свою добычу птицы, он решил последовать их примеру и нашел эту пищу довольно вкусной.

Лоренц рассказывал, что в Армении он приобрел, ко всему прочему, славу волшебника. Это случилось после того, как он смог вернуть свистом своего ручного скворца, который присоединился к пролетающей мимо стае сородичей [13, с. 276]. Благодаря своему во многих отношениях нестандартному поведению Лоренц пользовался известностью. Начальник лагеря в Красногорске, когда ему сообщили, что один из пленных сошел с ума: ловит мух и сажает их в коробочки, сразу понял, что приехал «тот самый» профессор. Причем он распорядился, чтобы Лоренца снабжали кормом для птиц.

Рис. 1. Обложка «Учетного дела» К. Лоренца.
(Фотография обложки любезно предоставлена редакцией журнала «Природа»)

А теперь, имея в виду рассказанное выше, обратимся к «Учетному делу» Конрада Лоренца, которое находится в РГВА [5]. Оно очень небольшое — всего 7 архивных листов — и содержит следующие документы: два «Опросных листа»; написанную карандашом (вероятно, черновик) «Справку» от 6 июня 1947 г. с указанием фамилии и места проживания Лоренца на родине; «Характеристику на военнопленного Лоренц Конрад Адольф» и «Заключение», излагающее итог идентификации личности Лоренца. На обложке дела внизу имеется запись: «Дело закончено в связи с передачей в лагерь репатриации №36 г. Сигет 25 декабря 1947 г.» (рис. 1)².

Я впервые детально проанализировала материалы «Учетного дела», чего не сделали обнаружившие эти документы В. Е. Соколов и Л. М. Баскин, да они, не будучи историками, и не ставили себе такой задачи. В ходе этого анализа я смогла получить изложенные ниже результаты только благодаря хорошему знанию биографии Лоренца и его воспоминаний.

Наибольший интерес среди этих документов представляют собой опросные листы и характеристика.

Первый по времени опросный лист заполнен 14 февраля 1945 г. в лагере С. Г. №3160 с указанием даты прибытия в лагерь — 25 августа 1944 г. В. Е. Соколов и Л. М. Баскин в своей статье пишут, что это был рабочий лагерь в г. Кирове [8]. Это неверно. Сокращение С. Г. означает «специальный госпиталь», т.е. госпиталь для военнопленных. В графе «Отметки о движении» во втором опросном листе указано, что с августа 1944 г. по сентябрь 1945 г. Лоренц находился «в С. Г. 3062 Халтурин окр. Кирова». Несовпадение номеров специального госпиталя может объясняться ошибкой или какими-то бюрократическими причинами, так как даты соответствуют тем, что указаны в первом опросном листе.

Второй опросный лист заполнен 5 февраля 1947 г. в лагере № 115 в Ереване, куда Лоренц прибыл 2 июня 1946 г.

Каждый опросный лист представляет собой стандартный отпечатанный типографским способом бланк, который содержит 41 пронумерованный пункт и пронумерованные графы: «Словесный портрет», «Особые приметы», свиде-

Рис. 2. Фотография К. Лоренца из его «Учетного дела». (Копия фотографии любезно предоставлена редакцией журнала «Природа»)

² К сожалению, в настоящей статье из-за некоторых юридических сложностей я не имею возможности поместить репродукции документов «Учетного дела».

ния о заполнявших лист и «Отметки о движении». Пронумерованные пункты включают такие стандартные для анкет вопросы, как фамилия, имя, отчество, год и место рождения, местожительство (перед призывом в армию), национальность, гражданство, партийность, вероисповедание, социальное положение, образование, сведения о профессиональной деятельности, о семье и некоторые другие, а также специфические для такой анкеты данные о военной службе и обстоятельствах пленения. В первом опросном листе есть фотография Конрада Лоренца (рис. 2)³.

В этих анкетах бросается в глаза особенность, связанная с именем. В немецкой традиции существуют вторые имена, но нет отчеств, однако здесь в графе «Отчество» оно указано как производное от имени отца: в первом листе — Адольфович, а во втором — просто Адольф. «Конрад Адольф» как имя Лоренца фигурирует во всех остальных документах: на обложке «Учетного дела», в характеристике и в заключении об идентификации личности. Второе же имя Лоренца — Цахариас, которое он получил в честь деда по материнской линии Цахариаса Лехера (Zacharias Lecher), нигде не отмечено.

Между временем заполнения первого и второго листов прошло почти два года. И ответы на многие вопросы в них различаются. Некоторые различия, вероятно, связаны с особенностями перевода или с неточностями памяти. Так, в первом листе Лоренц назвал датой взятия в плен 29 июня 1944 г., а во втором — 28 июня (спустя десятилетия своему биографу Алеку Нисбетту он назвал 24 июня [12, с. 94]). В обеих анкетах стоит одна и та же дата призыва в армию — 10 октября 1941 г. и одинаково указано последнее место воинской службы — 2-я санитарная рота, 206-я пехотная дивизия. Но в первом листе Лоренц назвал свой личный воинский номер — 56897, а во втором листе написано «не знает». В качестве звания в первом опросном листе указано: «Унтер Артс» и младший лейтенант, а во втором — только младший врач, т. е. перевод немецкого звания *Unter Arzt*, записанного русскими буквами в первом листе. Воинская должность Лоренца в первой анкете обозначена как врач, а во второй — как помощник врача.

Подобные мелкие различия есть и в ответах на вопросы об образовании и профессиональной деятельности. Так, в первом листе неправильно указан год окончания гимназии и поступления в университет — 1921 г., но во втором листе стоит уже правильная дата — 1922 г. Более точно и полно вехи служебной карьеры Лоренца отражены во втором листе: ассистент в Анатомическом институте, доцент в Зоологическом институте, профессор психофизиологии. Однако даты, относящиеся к ним, заметно отличаются и от первого опросного листа, и от реальности. В первом же листе профессиональная деятельность описана весьма приблизительно (например: «работал профессором»), а даты, напротив, указаны точно: ассистент с 1932 по 1935 г., доцент с 1935 по 1940 г., профессор с 1940 по 1941 г. (о профессиональной деятельности Лоренца см. в [21, с. 504.]).

³ Однако эта фотография, видимо, сделана в ереванском лагере № 115, где заполнялся второй по времени опросный лист, так как на ней стоит печать именно этого лагеря.

Однако целый ряд различий в ответах на вопросы связан с изменившимися обстоятельствами. Так, в первой анкете в графе «Подданство или гражданство» стоит «германское», а во второй — «австрийское», так как в 1947 г. Австрия уже не входила в состав Германии. Любопытно, что в первой анкете Лоренц указал, что из иностранных языков владеет английским и французским, а во второй — добавил к ним русский.

Еще одно примечательное различие между опросными листами касается отца Конрада Лоренца — Адольфа. В первом листе Лоренц указал возраст отца — 90 лет, в это время он был еще жив. А во втором листе написано, что его отец умер 11 февраля 1946 г. Из этого можно сделать вывод, что Лоренц узнал о его смерти в плену. Узнать об этом он мог, очевидно, только от лагерного начальства, так как никакой переписки с семьей у него не было. И Вена, где жил его брат, и местожительство семьи Лоренца (жены, детей и отца) — деревня Альтенберг — находились в советской зоне оккупации. Видимо, ко времени заполнения второй анкеты уже проводилась работа по уточнению его личности, и о его родных навели справки.

В опросных листах названы и другие члены семьи, в первой анкете — с указанием возраста: жена Маргарита (44 года), сын Томас (15 лет), дочь Агнес (13 лет), дочь Дагмар (4 года), брат Альберт (59 лет); а во второй анкете вместо возраста названы годы их рождения. Указаны также адреса всех родных Лоренца: брата — в Вене, остальных — в Альтенберге и последний адрес Конрада Лоренца перед призывом в армию — в Кёнигсберге.

Различия в ответах на ряд вопросов, вероятнее всего, связаны не с изменением обстоятельств, не с ошибками памяти, а с какими-то иными причинами. Так, в графе «Партийность» в первом опросном листе записано «национал-социалист», а во втором — «кандидат национал-социалистической партии». В графе «Социальное и имущественное положение военнопленного» в первой анкете стоит «служащий, неимущий», а во второй — «дом в селе Альтенберг». Удивляет разница в ответах на вопрос о вероисповедании. В более поздней анкете в этой графе записано «не имеет», а в более ранней — «верующий». Лоренц был атеистом, и непонятно, зачем ему было называть себя верующим в стране с атеистическим режимом. Возможно, в данном случае допущена ошибка в переводе.

Изучение записей в графе «Отметки о движении», с учетом воспоминаний самого Конрада Лоренца, позволяет более или менее точно восстановить маршрут его путешествия по лагерям. Анализ этих записей показывает, что они делались не только в тех двух лагерях, где заполнялись анкеты, но и в других. При этом чаще всего здесь указаны только номера лагерей и их отделений вместе с датами прибытия и убытия, а географические названия мест расположения лагерей встречаются редко. Некоторые из перемещений отмечены в обоих опросных листах, хотя записи о них различаются по форме. Другие же перемещения зафиксированы только в одном из листов. Так, записи о самых ранних лагерях сделаны лишь во втором, более позднем листе, а о самых поздних — только в первом, более раннем. Возможно, это связано с тем, что в подшивке учетного дела более ранний опросный лист следует после более позднего.

В одном из автобиографических очерков Лоренц заметил, что в СССР он побывал в общей сложности в 13 лагерях [13, с. 275]. Анализ «Отметок о движении», с учетом не только разных лагерей, но и разных отделений одного и того же лагеря, дает сходное число — 12.

Судя по всему, первый лагерь, куда Лоренц попал после захвата в плен в конце июня 1944 г., — это специальный госпиталь для военнопленных в Смоленске (номер не указан). Именно здесь он, сам раненный в руку, сразу начал оперировать других пленных. Лоренц рассказывает, что вскоре после него в этом же лагере оказались все медики, с которыми он вместе служил в Витебске, и один из них прооперировал ему раненую руку.

Затем Лоренца перевели в спецгоспиталь №3160 (?3062) в городе Халтурин близ Кирова, где он пробыл около года — с 25 августа 1944 по сентябрь 1945 г. и где был заполнен первый по времени опросный лист из имеющихся в учетном деле. Можно сделать вывод, что речь идет о том самом госпитале, в котором Лоренц около года вел неврологическое отделение на 600 коек и спасал больных полевым полиневритом.

Следующая по хронологии запись — дата прибытия 23 октября 1945 г. — говорит о его недолгом пребывании после этого еще в одном спецгоспитале с четырехзначным номером 19...2 (третья цифра написана неразборчиво), без указания местоположения. Затем Лоренц попал в лагерь №307 (там он побывал в двух разных отделениях), где находился с октября 1945 по 16 мая 1946 г., местоположение лагеря также не указано. Я предполагаю, что это был упоминаемый Лоренцом лагерь в Оричах недалеко от Халтурина, где, как и в дальнейшем в Армении, он выполнял обязанности лагерного врача.

Оттуда Лоренца направляют в Ереван, в лагерь № 115. Это был довольно длительный переезд, занявший 18 суток. В этом лагере (где был заполнен второй опросный лист) он прожил со 2 июня 1946 г. по 19 сентября 1947 г., побывав в четырех его отделениях. Здесь он работал над рукописью. В своей уже упоминавшейся книге Стефан Карнер пишет, что этот лагерь находился рядом со станцией Ереван Транскавказской железной дороги и что в 1946 г. более двух тысяч военнопленных отсюда работали на строительстве алюминиевого металлургического завода [11, с. 107]. Дочь Лоренца Агнес со слов отца рассказывает, что к месту строительства подгоняли также рабочие поезда с советскими работниками, которых обслуживали лагерные врачи, в чем принимал участие и Конрад Лоренц. Благодаря этому он имел здесь возможность общаться с гражданскими лицами [3, с. 11]. Распоряжение о переводе Лоренца в Красногорск для перепечатки рукописи и об отправке ее цензору было выписано 10 сентября 1947 г., а 19 сентября, в день отъезда, была подписана его характеристика, также хранящаяся в учетном деле.

Переезд под Москву, в лагерь № 27 в г. Красногорске, занял неделю. Этот лагерь был предназначен для военнопленных, пользующихся по тем или иным причинам привилегиями. Здесь Лоренц очень быстро перепечатывает свой объемный труд: в Красногорск он прибыл 26 сентября 1947 г., а 11 декабря 1947 г. его уже направили в лагерь репатриации. К этому сроку перепечатка была завершена, копия рукописи отослана цензору, и в ожидании ответа уже

прошло какое-то время, мучительно долгое для Лоренца. Накануне 11 декабря, вероятно, и произошел памятный разговор с начальником лагеря, который разрешил Лоренцу взять с собой рукописный экземпляр труда без согласования с цензором.

По пути из Красногорска в Австрию Конрад Лоренц побывал в лагере № 453, откуда его 25 декабря 1947 г. направили в Румынию в лагерь репатриации № 36 в г. Сигет (более точное современное название — Сигету-Мармацией). Та же дата стоит на обложке «Учетного дела» как дата его закрытия. Дочь Лоренца Агнес пишет, что в этом последнем лагере «он вместе с тысячами других освобожденных военнопленных с декабря 1947 г. ожидал восстановления разрушенного под напором льда железнодорожного моста» [3, с. 12]. Вспомним, что Лоренц переступил порог своего дома 21 февраля 1948 г., — значит, в румынском лагере он находился около двух месяцев. Здесь, как пишет С. Карнер, он тоже читал лекции о поведении животных, которые вернувшиеся на родину пленные помнили потом всю жизнь [11, с. 107].

Заканчивая рассказ об учетном деле, остановлюсь на характеристике Лоренца, которая была составлена в ереванском лагере и подписана начальником отделения № 1 этого лагеря старшим лейтенантом Сомовским, его заместителем по политической части подполковником Акоповым и оперуполномоченным оперотдела лагеря Авакяном [5, л. 6]. Привожу ее текст полностью.

Лоренц Конрад Адольф 1903 г. рождения, уроженец гор. Вена, по национальности австриец, австрийского подданства, образование высшее, кандидат в члены НСДАП, мл. лейтенант медицинской службы германской армии, взят в плен 28.6. — 44 г. в гор. Витебске. Содержится в лагере № 1 лагеря № 115 МВД СССР.

Военнопленный Лоренц К. А. службу проходил в германской армии с 10-го октября 1941 года, в армию был взят по мобилизации. С марта м-ца 1942 года по апрель м-ца 1944 года служил помощником врача в госпитале гор. Познань, с апреля м-ца 1944 года по 28 июня 1944 г. находился на Советско-германском фронте помощником врача 2-ой санитарной роты 206-го пехотного полка.

Военнопленный Лоренц характеризуется положительно, дисциплинирован, к труду относится добросовестно, политически развит, принимает активное участие в антифашистской работе и пользуется доверием и авторитетом среди военнопленных. Прочитанные им лекции и доклады заслушиваются военнопленными с охотой.

Военнопленный Лоренц побывал в разных государствах, как то: США, Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Италии, Греции, Чехословакии и пр. Владеет большим кругозором в теоретических вопросах, а также в политике ориентируется правильно. Являясь агитатором лагерного отделения, проводит агитационно-массовую работу среди военнопленных немецкой и австрийской национальностей, владеет французским и английскими языками.

Компрометирующими материалами на Лоренца К. А. не располагаем.

Следует обратить внимание на слова об участии Лоренца в антифашистской работе. Как пишет С. Карнер, существовавшая в СССР программа «Антифа» по

идеологической обработке военнопленных в антифашистском духе, участие в которой было добровольным, привлекала многих [11, с. 96]. Активное участие в ней обеспечивало пленным определенные льготы. Карнер полагает, что именно таким образом Лоренц получил возможность заниматься в лагере научной работой. Однако, как мы знаем от самого Лоренца, он начал писать рукопись, не ставя об этом в известность лагерное начальство, — напротив, он опасался неприятностей. Тем не менее то, что после обнаружения рукописи ее у него не только не отобрали и позволили продолжить над ней работу, но и пошли навстречу его просьбе разрешить взять рукопись домой, — все это, на мой взгляд, может объясняться участием Лоренца в антифашистской работе в рамках указанной программы.

Есть еще одно обстоятельство, которое, как я думаю, может объяснить благосклонное отношение советских властей к научной деятельности Лоренца. В то время в СССР стремились всемерно использовать научные и технические достижения военнопленных (см. [11]). Лоренц писал свой труд для себя, однако напечатанная на машинке большая научная рукопись, оставшаяся в СССР, вполне могла рассматриваться как полезный для страны результат интеллектуальной работы военнопленного и попасть в соответствующий официальный отчет именно в этом качестве. И все же разрешение взять рукописный вариант в Австрию, данное Лоренцу начальником красногорского лагеря без благословения цензора, представляется и в самом деле удивительным.

В настоящее время я не располагаю никакими сведениями о том, что машинописная рукопись Лоренца попадала в руки кому-либо из отечественных ученых (до ее обнаружения в архиве в 1990 г.) или направлялась в какое-либо научное учреждение на экспертизу. Уже упоминалось, что в РГВА находятся два машинописных экземпляра рукописи; третий экземпляр, как явствует из воспоминаний Лоренца, был направлен цензору, и судьба его неизвестна. Однако я обнаружила любопытный документ, подшитый ко второму экземпляру архивной рукописи. Это письмо Конрада Лоренца от 11 декабря 1947 г., написанное по-немецки от руки черными чернилами в лагере в Красногорске и адресованное какому-то советскому академику [7, л. 1] (рис. 3). К сожалению, его имя в письме не названо. Привожу текст этого письма полностью в моем переводе.

11/XII 47

Глубокоуважаемый господин академик!

В свое время я написал Вам из Еревана и позволил себе обратиться к Вам за советом относительно моей сочиненной в плену книги. Я, несомненно благодаря Вашему любезному содействию, получил возможность здесь, в Красногорске, переписать на пишущей машинке эту рукопись, за что выражаю Вам мою огромную благодарность!

Я осмеливаюсь сегодня, в день моего возвращения домой, в Австрию, передать копию рукописи! В случае, если Вы, господин академик, найдете время для чтения, я буду чрезвычайно благодарен за любую форму критики; так как книга написана «из головы», т. е. без использования какой-либо литературы, поводов для критики будет наверняка очень много!

Еще раз с огромной благодарностью

искренне преданный Вам

Dr. K. Lorenz

В левом верхнем углу письма Лоренц указал свой адрес в Австрии в Альтенберге.

В связи с письмом Лоренца естественно возникает ряд вопросов. Поскольку письмо и два экземпляра рукописи хранятся в архиве, из этого следует, что послание не достигло своего адресата, как и предназначенная ему копия рукописи. А какова же была судьба предыдущего письма этому академику, написанного Лоренцом в ереванском лагере? Из того, что нам известно о том периоде советской истории, легко представить, что и оно также не достигло адресата, а затерялось в недрах спецслужб, возможно, даже не покинуло пределов лагеря. В таком случае этот неведомый академик, скорее всего, не принимал участия в судьбе рукописи. Но все же существует некоторая вероятность, что с ним как со специалистом могли советоваться по поводу находящегося в плену немецкого профессора, даже если он и не получал письма от Лоренца. Все эти догадки могли бы превратиться во что-то более определенное, если бы можно было ответить на другой, самый интригующий, вопрос: кем был этот академик. Один из наиболее вероятных кандидатов — советский нейрофизиолог академик Леон Абгарович Орбели (1882—1958), ближайший ученик И. П. Павлова. Наданный момент я не располагаю сведениями, что в фонде Л. А. Орбели в Архиве Российской академии наук есть документы, имеющие отношение к Конраду Лоренцу. Может быть, ответы на поставленные мною вопросы есть в документах, которые до сих пор хранятся в закрытых архивах. Однако не исключено, что разгадать эти загадки уже невозможно.

Обратимся теперь к результатам моего изучения оставшейся в России машинописной рукописи Конрада Лоренца, которая хранится в РГВА [6; 7]. Она (как и рукописный ее вариант) представляет собой первую часть задуманной им тогда книги и содержит 23 главы. Остальные части книги так и не были написаны. Лоренц назвал свой труд «Einführung in die vergleichende Verhaltensforschung» — «Введение в сравнительное изучение поведения». Термин «vergleichende Verhaltensforschung» представляет собой немецкий эквивалент международ-

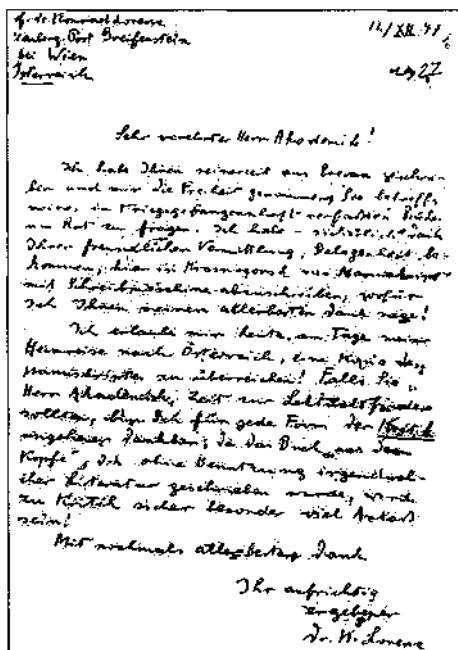

Рис. 3. Письмо К. Лоренца неизвестному советскому академику [7, л. 1]

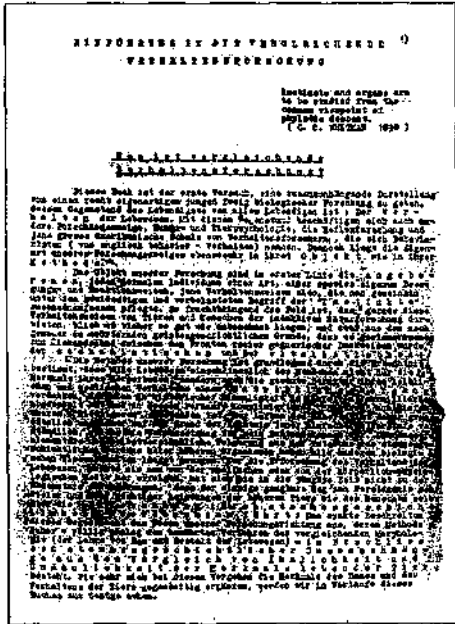

Рис. 4. Первая страница
машинописной рукописи К. Лоренца

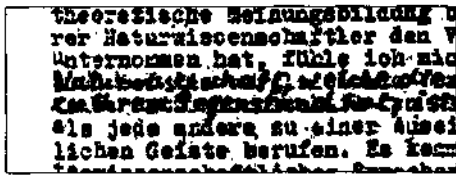

Рис. 5. Образец правки в первом экземпляре
машинописной рукописи

ного термина «этология», последний в немецкоязычной этологической литературе встречается редко (подробнее об этом см. [22]).

В архиве находятся первый [6] и второй [7] экземпляры машинописной рукописи (рис. 4). Рукопись напечатана через один интервал на хорошей плотной писчей бумаге с размером листа, немного превышающим стандартный формат А4. В общей сложности весь текст рукописи насчитывает 212 страниц. Однако подшивки с первым и вторым экземплярами рукописи различаются по своему составу, в том числе из-за путаницы со страницами.

Подшивка первого экземпляра содержит 211 страниц, из них 210 страниц — последовательно изложенный текст, к которому подшит в конце черновой вариант второй страницы [6]. И в авторскую нумерацию, и в нумерацию архивных листов вкрались ошибки. Кроме того, две страницы первого экземпляра в данной подшивке отсутствуют, они попали в подшивку второго экземпляра. По этим причинам последний лист рукописи в подшивке первого экземпляра имеет номер «212».

Ко второму машинописному экземпляру рукописи [7], содержащему полный 212-страничный текст плюс две страницы из первого экземпляра, подшиты перед основным текстом первая копия титульного листа (второй его копии нигде нет), вторая копия оглавления на двух страницах, а в конце подшивки — черновик второй страницы оглавления, частично напечатанный на машинке, частично написанный от руки, и первая копия оглавления. А в самом начале этой подшивки, перед рукописью, находится письмо Лоренца к неизвестному академику.

Важно отметить, что первый и второй экземпляры рукописи не равноценны. В первый экземпляр Лоренц внес правку от руки (рис. 5), а во втором экземпляре этой правки нет (возможно, на нее не хватило времени). Кроме того, первый экземпляр содержит восемь выполненных от руки рисунков (рис. 6), которые отсутствуют во втором экземпляре, за исключением одного из них, присутствующего в обоих экземплярах (рис. 7).

Интересно также, что на оборотной стороне 208-го архивного листа подшивки со вторым экземпляром рукописи есть набросок морского конька, сделан-

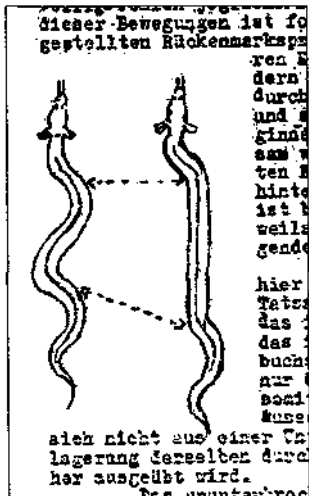

Рис. 6. Один из рисунков в первом экземпляре машинописной рукописи, показывающий фазы движения угура

Рис. 7. Рисунок из машинописной рукописи, схематически изображающий модель инстинктивного акта

Рис. 8. Набросок морского конька на оборотной стороне одной из страниц второго экземпляра машинописной рукописи

ный Лоренцом просто так, видимо, в ходе размышлений над текстом, так как именно на этой странице идет речь о поведении морского конька (рис. 8).

А что же представляет собой рукопись, привезенная Лоренцом домой? Дочь Лоренца Агнес фон Кранах (Agnes von Cranach) в своем предисловии к опубликованному тексту этой рукописи дает краткое описание оригинала [3]. Он содержит около 750 пронумерованных страниц, исписанных от руки с одной стороны, а также около 100 пронумерованных страниц с отрывками текста, относящимися к самым разным темам задуманной книги. Текст написан частично на простой (концептной) писчей бумаге, а частично — на кусках грубой бумаги от мешков из-под цемента. Размер страниц немного превышает стандартный формат А5. Часть текста на пронумерованных страницах написана разведенными чернилами, а часть — раствором марганцовки; для письма в основном использовались стальные перья, но иногда — птичьи. Пронумерованные страницы исписаны карандашом, эти страницы не были опубликованы. В оригинале содержится 12 рисунков, которые были воспроизведены при публикации.

Приступив к изучению рукописи Лоренца, я прежде всего решила сравнить текст ее машинописного варианта, хранящегося в РГВА, с текстом рукописного варианта, опубликованного дочерью Лоренца Агнес фон Кранах в немецком издательстве «Piper» [9]. Далее этот опубликованный в Германии текст я буду для краткости именовать просто как «рукописный вариант». Из известных мне воспоминаний Лоренца неясно, насколько существенной была его правка при перепечатке рукописи и, тем более, как это отразилось на ее содержании.

Начав сравнение с вводного раздела этого научного труда, я сразу нашла очень большие расхождения между двумя вариантами рукописи. В машино-

писном варианте этот текст примерно на треть совершенно новый по своему содержанию по сравнению с рукописным вариантом. Остальной текст рукописного варианта подвергся весьма серьезной переработке, в результате которой изменились многие смысловые акценты. Названия этого вводного раздела также разные: «Что мы хотим» в рукописном варианте и «Что такое сравнительное изучение поведения?» — в машинописном.

После этого я самым тщательным образом сличила между собой весь текст обоих вариантов рукописи. В результате я обнаружила, что значительная его часть при создании машинописного варианта была существенно переработана. Речь идет о заменах, вставках и исключении отдельных фрагментов текста разного объема, о самых разных видоизменениях в характере изложения, а иногда и об изменении композиции. Таким образом, в данном случае мы имеем дело не с рутинной редакционной правкой. Мы действительно можем говорить о наличии двух разных версий научного труда.

Почему же Конрад Лоренц, несмотря на имевшиеся в его распоряжении сжатые сроки, стремясь как можно быстрее вернуться на родину, так серьезно работал над рукописью, хотя от него лишь требовалось сделать идентичную копию? И это при том, что переработанный вариант оставался в СССР и в дальнейшем он не мог им пользоваться. Прежде всего напрашивается предположение, что Лоренц как творческий человек просто не мог ограничиться механической перепечаткой и по ходу дела совершенствовал текст. Конечно, это могло сыграть свою роль, но такое объяснение мне кажется недостаточным, особенно с учетом того, что работа велась в лагере для военнопленных, пусть и привилегированном. Я думаю, что главная причина была все же в другом. Лоренц надеялся, что его труд прочтут советские коллеги, прежде всего тот самый академик, которому было адресовано его письмо и кому он пытался передать одну из копий рукописи. И Лоренц хотел получить какой-то отклик. В таком случае вполне понятны его усилия по улучшению текста. Кроме того, некоторые изменения могли быть внесены с учетом именно советского читателя.

Существование двух версий обширного научного труда выдающегося ученого представляет большой интерес для истории науки. Следует учесть, что между началом работы над первым, рукописным, вариантом и началом создания второго, машинописного, варианта прошло немало времени — около двух лет. За это время взгляды Лоренца на те или иные научные проблемы могли измениться.

Анализ всех различий между двумя версиями «Русской рукописи», конечно, требует длительной кропотливой работы. Здесь я расскажу лишь о первых ее результатах.

При создании машинописной версии Лоренц вносил изменения самого разного характера. Обращает на себя внимание обилие таких изменений, которые я называю мелкими. Под ними я имею в виду стилистические поправки, когда та же мысль излагается другими словами, небольшие сокращения или мелкие дополнения поясняющего либо уточняющего характера; незначительные видоизменения смысла. Среди мелких исправлений есть и совсем несущественные: изменения в порядке слов, не влияющие на смысл, разбивка одного предложения на два или соединение двух в одно, замена точки на восклицательный

знак и наоборот и т.п. Лоренц часто выделяет некоторые слова: в рукописном варианте курсивом, а в машинописи с помощью разрядки. При этом в разных версиях рукописи в одном и том же тексте могут быть выделены разные слова. Проиллюстрирую такую правку на примере вводного раздела. Здесь и далее все цитаты из обоих вариантов рукописи даны в моем собственном переводе с немецкого. В обеих версиях рукопись открывается следующей фразой: «Эта книга — первая попытка дать полное описание весьма своеобразной области биологического исследования, чьим предметом является самое живое из всего живого: *поведение* живых существ» [6, л. 1; 9, с. 15]. Но следующий сразу после этого текст в этих версиях уже не совпадает.

В рукописной версии:

Своеобразие этого исследовательского направления состоит не в его предмете, которым также занимаются как психологи человека, так и зоопсихологи, как бихевиористы, так и рефлексологи, а в его *методе*» [9, с. 15].

В машинописи:

Этим предметом занимаются также другие области — психология человека и зоопсихология, область исследования рефлексов и та большая американская школа исследователей поведения, которые называют себя бихевиористами (от английского *behavior* — поведение). Однако своеобразие нашей области исследования состоит и в ее объекте, и в ее методе» [6, л. 1].

Приведу еще пару примеров подобных различий.

В рукописной версии:

Сущностью органического процесса творения является то, что он создает абсолютно *новое* и *высшее*, которого на предыдущей стадии, из которой он это создал, *совершенно не было!* [9, с. 18].

В машинописи:

Сущностью всего филогенетического развития является то, что мир организмов как имманентный творец самого себя путем глубоких дискретных качественных изменений создает новое, которого на предыдущей стадии, из которой он его создал, *совершенно не было* [6, л. 2].

Но в жизни органических систем есть *опасная* переходная фаза, когда жесткая структура должна распастись, прежде чем будет готова новая опора [9, с. 30].

В развитии всех органических систем имеются переходные фазы, во время которых возникает известная угроза целостности вследствие того, что определенные структуры и специализации уже разрушились к тому моменту, когда те новые, которые их функционально будут заменять, еще не готовы и не работоспособны [6, л. 10].

Однако, как уже говорилось, между версиями существует много гораздо более серьезных различий. В частности, в начале предисловия в машинописи (в первом из приведенных примеров) после утверждения, что сравнительное изучение поведения отличается от других научных направлений, исследующих поведение, не только своим методом, как написано в рукописном варианте, но и объектом, вставлен целый абзац об особенностях этого объекта (а именно врожденного поведения), отсутствующий в рукописной версии.

Как уже говорилось, рукопись, написанная Лоренцом в советском плену, представляет собой первую часть задуманной им тогда книги. В машинописном варианте, хранящемся в РГВА, имеется подробное оглавление всей будущей книги [7, л. 3—4] (рис. 9), которое отсутствует в рукописном варианте, увезенном на родину. Оглавление позволяет представить себе общий замысел книги, поэтому имеет смысл привести его целиком (в моем переводе). «Русская рукопись» включает то, что в оглавлении носит название «Первая, общая часть».

ОБЗОР СОДЕРЖАНИЯ

ЧТО ТАКОЕ СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ?

ПЕРВАЯ. ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Раздел I. Философские пролегомены

Глава 1. Философия и естествознание

Глава 2. Индукция

Глава 3. Непротиворечивая Schachtelsystem⁴ естествознания

Глава 4. О возможности синтеза естественных и гуманитарных наук

Раздел II. Биологические пролегомены

Глава 1. Общие попытки определения жизни

Глава 2. Неповторимое историческое становление организмов и фило-
генетическая постановка вопроса

Глава 3. Целостность организма

Глава 4. Целенаправленность

Глава 5. Проблема души и тела

Раздел III. История возникновения и методы сравнительного изучения поведения

Глава 1. Предыстория

Глава 2. Витализм

Глава 3. Механистические школы

Глава 4. Воздействие полемики между механицизмом и витализмом
на сравнительное изучение поведения

⁴ Это немецкое слово не поддается адекватному краткому переводу на русский. Под Schachtelsystem Лоренц понимает такую иерархическую систему взаимопроникающих природных закономерностей, где более общие закономерности с более широкой областью применения оказываются включенными в более специальные закономерности с более узкой областью применения. В соответствии с этим он образно представляет все естествознание как систему вложенных одна в другую коробок (по-немецки Schachtel — коробка), где самая объемная коробка — это физика, содержащая в себе остальные естественные науки, которые также, в соответствии со степенью общности своих законов, вложены одна в другую.

- Раздел 9. Ящерицы рода *Lacerta*
- Раздел 10. Галка, *Coloeus monedula*
- Раздел 11. Серыйгусь, *Anseranser*
- Раздел 12. Утиные, *Anatinae*
- Раздел 13. Собака, *Canis familiaris*

ТРЕТЬЯ. НОМОТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

- Раздел 1. Инстинктивное движение
- Раздел 2. Ориентировочная реакция, или таксис
- Раздел 3. Сцепление
- Раздел 4. Иерархия настроений
- Раздел 5. Врожденная пусковая схема
- Раздел 6. Гештальт-восприятие
- Раздел 7. Условный и безусловный рефлекс
- Раздел 8. Приложение: Доместикация

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ: СЕМЬ ЛЕКЦИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ

- Введение
- Раздел 1. Лазающее [существо] с хватающими руками (*Der Greifhandk-letterer*)
- Раздел 2. Любопытное существо
- Раздел 3. Существо, остающееся молодым
- Раздел 4. Потеря жестких структур
- Раздел 5. Существо, находящееся в опасности
- Раздел 6. Ответственное существо
- Раздел 7. Восприятие ценностей

Во вводном разделе, который далее для удобства я буду именовать предисловием, в рукописной версии сказано, что первая, уже написанная, часть книги называется «Введение в сравнительное изучение поведения». Однако в машинописной, более поздней, версии это название уже фигурирует как наименование всей книги, а первая часть названа просто — «Общая часть».

В рукописном варианте все главы имеют сплошную нумерацию — с 1-й по 23-ю, а в машинописной рукописи в каждом разделе книги нумерация своя. Большинство глав при создании машинописной версии сохранили свои названия, лишь некоторые из них незначительно изменились. Например, глава 1, в рукописной версии названная «Естествознание и идеалистическая философия», в машинописи имеет название «Философия и естествознание»; глава 7 первоначальной рукописи — «Целостность организма» — в машинописном варианте (там это глава 4 раздела II) получила более длинное наименование «Целостность организма и анализ широким фронтом». Еще одним примером может быть глава 12 — «Механицизм», которая после перепечатки стала называться «Механистические школы» (глава 3 раздела III).

Однако, в отличие от своих названий, текст всех глав без исключения при создании машинописной версии был изменен, хотя и в разной степени. Только

в двух главах — в уже упомянутой главе 7 и в главе 8 «Целенаправленность» (в машинописи глава 5 раздела II) — изменений относительно мало и они мелкие.

Во всех остальных главах мелких изменений множество, причем именно такими исправлениями дело ограничивается лишь в четырех главах: глава 5 «Общие попытки определения жизни» (в машинописи глава 1 раздела II); глава 10 «Предпосылки» (в машинописи глава 1 раздела III); глава 17 «Первые шаги к установлению законов» (в машинописи глава 8 раздела III) и глава 23 «Заключительные соображения» (в машинописи глава 14 раздела III).

В других главах помимо этого сделаны вставки нового текста и замены на новый текст разного объема, исключены фрагменты разной величины, а также существенно изменены формулировки больших кусков текста. Таких значительных изменений особенно много в семи главах: в уже упоминавшейся главе 1; в главе 3 «Непротиворечивая Schachtelsystem естествознания» (в машинописи глава 3 раздела I); в главе 4 «О возможности синтеза естественных и гуманитарных наук» (в машинописи глава 4 раздела I); в главе 9 «Проблема души и тела» (в машинописи глава 6 раздела II); в главе 16 «Начало сравнительной систематики в изучении поведения» (в машинописи глава 7 раздела III); в главе 19 «Открытие "аппетентного поведения" Уолласом Крейгом» (в машинописи глава 10 раздела III) и в главе 20 «Мой собственный вклад в понимание инстинктивного движения» (в машинописи глава 11 раздела III). Последняя из упомянутых глав по сравнению с остальными частями рукописи подверглась самой большой переработке, если не считать предисловия.

Интересно, что при всех различиях обе версии «Русской рукописи» имеют примерно одинаковый объем. Однако, как уже упоминалось, в машинописной версии на 4 рисунка меньше, чем в рукописной — 8 вместо 12. Не хватает первых четырех рисунков, присутствующих в более раннем варианте. Остальные рисунки в обоих вариантах рукописи почти идентичны за исключением незначительных отличий, которые всегда возникают при воспроизведении рисунков от руки.

В настоящей статье я остановлюсь подробно на сравнении двух вариантов предисловия: машинописной версии [6, л. 1 — 18] и рукописной [9, с. 15 — 40]. Сравнение версий именно этого раздела представляет немалый интерес. Дело не только в том, что различия между ними особенно велики. В предисловии Лоренц излагает общий замысел и задачи всей будущей книги в целом, а также каждой из ее частей. Хотя в основном в этой книге речь должна была идти о поведении животных, однако вся она в целом была, по его словам, нацелена на то, чтобы представить естественно-научный подход к изучению поведения человека. Последняя часть этой книги должна была быть целиком посвящена человеку. Единственная уже написанная первая часть в основном содержит изложение философских взглядов Лоренца, относящихся к теории познания, и основ его этологической теории, специально о человеке здесь говорится немного. Однако написанное им обширное (около 30 страниц) предисловие к этой книге, напротив, почти полностью посвящено человеку. При этом в рукописном варианте, рассказывая о части, где речь идет о человеке, Лоренц только отмечает, что она должна будет состоять из семи лекций, но не говорит, каких именно.

А в машинописном варианте он кратко характеризует содержание каждой из семи лекций, указанных в оглавлении.

Интересно, что различия между двумя версиями наиболее значительны именно там, где речь идет о человеке, там же, где рассматриваются чисто биологические вопросы, эти расхождения, как правило, менее существенны.

Говоря о том, что этология (сравнительное изучение поведения), исследуя поведение человека, вторгается в область, пограничную с социологией и этикой, Лоренц, предвидя критику, старается всячески обосновать и защитить возможность такого исследования. И в машинописной версии он уделяет этому больше внимания, чем в рукописной. В машинописный вариант Лоренц добавляет большой фрагмент, где объясняет, какое именно вмешательство биологии в область гуманитарного знания является «недопустимым биологизированием» и «в дурном смысле дилетантским» и почему его собственный подход другой, вполне допустимый и полезный [6, л. 7]. По его мнению, ошибочно игнорировать особые закономерности, изучаемые социологией, которые нельзя объяснить на основе более общих законов биологии:

Фундаментальная ошибка, будто бы высшая и более сложная форма материального явления в самом деле не что другое, как более простая, слишком легко склоняет не одного механистически мыслящего исследователя к ложной вере, что понимание более простых, более фундаментальных закономерностей — уже само по себе достаточный ключ к более сложному явлению... Такие дилетантские продвижения от общего к специальному особенно часто предпринимались из области биологического к социологическому... Поэтому мы должны здесь особенно резко отмежеваться от этого вида недопустимого биологизирования человеческого поведения и в особенности общественной жизни [6, л. 7].

Лоренц заявляет, что этология не занимается подобным биологизированием, а просто открывает особые явления, которые не могли быть замечены социологией, и при этом не пытается свести к ним все социологические явления, а только утверждает, что замеченные ею биологические процессы тоже играют свою роль в социальных явлениях.

К таким обнаруженным этологией явлениям, имеющим важное значение для социологии, Лоренц относит наличие у человека жестких врожденных форм социального поведения, потерявших в настоящее время свою полезную функцию и превратившихся в своего рода рудименты, функционирование которых приводит к конфликту с современным общественным устройством. Проблемы, связанные с этими рудиментами поведения, в обеих версиях рукописи излагаются сходным образом, но в машинописи несколько более развернуто.

Однако целый ряд тем, относящихся к этологии человека, трактуются в машинописном варианте по-другому, чем в рукописном.

Проведенное мною детальное сравнение двух вариантов предисловия дало результаты, которые, как мне кажется, могут помочь понять, каким образом развивались некоторые из идей Лоренца, связанных с этологией человека, в 1940—1950-е гг. В этот период как в мире в целом, так и в частной жизни Ло-

ренца произошло много эпохальных событий, которые не могли не повлиять на его осмысление человеческой природы.

К поведению человека Лоренц начинает обращаться в своих работах уже со второй половины 1930-х гг. (см., например, [23; 24; 25]), хотя более подробно он стал разрабатывать эту тему в послевоенный период (см., например, [1; 26; 27; 28; 29; 30]). Применяя свою этологическую теорию к человеку, Лоренц утверждал, что в основе человеческого поведения, в том числе социального, лежат врожденные, генетически обусловленные структуры, возникшие в ходе биологической эволюции. Причем врожденные стереотипные компоненты поведения у человека относятся не столько к двигательной сфере, сколько к области восприятия и мотивации.

Во всех своих работах, где он говорит о человеке, Лоренц отдает должное той огромной роли, которую в человеческом поведении играют разум, сознательный контроль, мораль и разумная ответственность. Однако он настаивает на том, что врожденные компоненты выполняют важную функцию опорного скелета всего человеческого поведения и в целом ряде отношений создают ограничения в проявлении его свободы и предрасположенности, направляющие поведение в определенное русло.

Я бы хотела остановиться подробнее на двух лоренцовских концепциях: представлении о врожденных видоспецифичных основах этических оценок у человека и концепции доместикации человека.

По мнению Лоренца, этические и эстетические оценки у человека также в немалой степени зависят от врожденных видоспецифичных механизмов восприятия. Эти механизмы способны реагировать на определенные признаки во внешнем облике и поведении людей, а также других объектов в окружающем мире, вызывая те или иные эмоциональные реакции. На основе этих реакций внешние объекты и люди могут оцениваться как красивые или некрасивые, а поведение людей — как нравственное или безнравственное.

В 1940—1950-е гг. концепция доместикации человека занимала важное место в лоренцовской этологии человека, хотя в дальнейшем он обращался к ней редко. Ее сущность сводится к следующему. Лоренц полагал, что в ходе развития человеческого общества поведение человека, и прежде всего его социальное поведение, подверглось и продолжает подвергаться изменениям, которые по своему характеру сходны с изменениями, возникающими у животных в процессе их одомашнивания. В результате последнего многие сложные врожденные формы поведения животных могут исчезать, а другие, чаще всего более примитивные врожденные формы поведения, например такие, как поедание пищи или спаривание, напротив, могут приобретать гипертрофированное выражение.

Проведенное мною сравнение того, как Лоренц формулировал эти концепции в начале 1940-х гг. и в 1950-е гг., показало, что наряду с наличием бесспорной преемственности между этими их вариантами, они существенно различаются по содержанию и по расстановке смысловых акцентов.

В наиболее развернутой форме ранний вариант этих концепций изложен Лоренцом в двух статьях: «Нарушения видоспецифичного поведения, вызванные

доместикацией» [24] и «Врожденные формы возможного опыта» [25]. Обе эти работы, первая из них в особенности, относятся к тем его статьям периода нацистского правления, которые заслужили дурную славу.

К этому времени Лоренц пришел к мысли, что жизнь в больших городах ведет к серьезным нарушениям генетических основ социального поведения человека. Страх перед угрозой якобы нарастающей деградации человеческой природы и увлечение идеями популярной в то время евгеники побудили его написать о необходимости принять специальные меры для противодействия этой деградации и элиминировать деградировавшие патологические элементы из популяции. В первой трети XX в. под влиянием евгеники сходные взгляды высказывали многие биологи и врачи в разных странах. Опасность самой евгеники в полной мере была осознана гораздо позже, однако писать подобные вещи при Гитлере было вдвойне недопустимо, хотя Лоренц не высказывал никаких собственно расистских убеждений и говорил о деградации внутри немецкого народа. Впоследствии Лоренц горько сожалел о том, что написал эти статьи, и утверждал, что под элиминацией он не имел в виду никаких жестоких репрессий и тем более убийств. Лоренц также уверял, что обо всех масштабах злодеяний нацистов он узнал уже после того, как все это написал, в 1943 г. [12]. Если так, то это незнание, а по существу — нежелание знать, он разделял со многими немцами времен Третьего рейха.

Впоследствии, продолжая оставаться при убеждении, что жизнь в условиях современной западной цивилизации приводит к серьезным нарушениям в функционировании свойственной нашему виду врожденной организации поведения, Лоренц все меньше внимания уделял возможным генетическим дефектам. Большая скорость, с которой, по его мнению, возрастает частота этих нарушений, склонили его к мысли, что главным фактором в их проявлении оказывается социальная среда [12].

Описывая феномен доместикации в статье 1940 г. [24], Лоренц рассматривает его как исключительно негативное явление, характерное для «сверхцивилизованного человека», живущего в условиях большого города, и призывает принять меры, чтобы предотвратить опасные последствия доместикации. Одним из таких последствий он считает также разрушение врожденных механизмов, обеспечивающих основы этических оценок. Существование таких механизмов он рассматривает исключительно в положительном ключе.

Однако в статье 1943 г. «Врожденные формы возможного опыта» Лоренц уже говорит и о положительной роли доместикации человека как предпосылки самого его возникновения [25, с. 361—376]. Он утверждает, что, способствуя исчезновению жестких наследственных структур, доместикация постоянно расширяет пределы человеческой свободы. Правда, и на отрицательные последствия доместикации он по-прежнему делает огромный упор.

Если мы теперь обратимся к более позднему варианту этих концепций в работах 1950-х гг., мы заметим перемену в его взглядах. Возьмем статью 1950 г. «Целое и часть в обществе животных и человека» [26]. Можно обнаружить немало сходств между работой 1943 г. [25] и данной статьей в изложении рассматриваемых мною концепций, однако акценты смещаются. В статье 1950 г.,

отмечая серьезные опасности, связанные с domestikацией, Лоренц уже оценивает ее главным образом в положительном плане как основную предпосылку для процесса гоминизации — возникновения и развития человека.

Лоренц меняет здесь и свое отношение к существованию врожденных видоспецифичных основ этических оценок. Теперь он считает, что они могут выполнять не только полезные функции, но и играть отрицательную роль. Поскольку эти механизмы сформировались в условиях, резко отличающихся от современных, их функционирование может приводить к поведению, которое вступает в конфликт с требованиями сегодняшнего общества. При этом Лоренц указывает на сложность ситуации, в которой находится современный человек, и говорит о «функциональных ограничениях рациональной морали». Даже самые высокоморальные люди в определенных ситуациях не способны преодолеть воздействие этих врожденных структур. Принимая во внимание все описанные им опасности, Лоренц подчеркивает важность этологического изучения врожденных основ поведения человека для создания гармоничного общественного устройства.

Каким же образом и когда произошли изменения во взглядах Лоренца? Я думаю, что внутренние психологические причины этих изменений, скорее всего, останутся неизвестными. Однако мне кажется, что существующие два варианта «Русской рукописи» можно в какой-то степени рассматривать как определенные этапы этого процесса.

Более ранним этапом является, конечно, рукописный вариант. Явление domestikации здесь Лоренц обсуждает в предисловии, а также в 4-й главе «О возможности синтеза естественных и гуманитарных наук» (*Über die Möglichkeit einer Synthese von Natur- und Geisteswissenschaften*) [9, с. 103—139], которая находится в конце первого раздела рукописи, озаглавленного как «Философские пролегомены» (*Philosophische prolegomena*). В обоих случаях в этом варианте рукописи описываются отрицательные последствия domestikации. Но наряду с этим Лоренц кратко констатирует ее положительную роль как условия свободы поведения у человека. Эту свободу он называет основополагающим человеческим свойством.

Интересно, что в машинописном варианте рукописи в данной главе этот фрагмент о domestikации отсутствует вообще. Зато в предисловии характер обсуждения domestikации уже очень сходен с тем, что мы видим в работах 1950-х гг. Безусловно отрицательным последствиям domestikации, связанным с исчезновением очень важных для выживания человека жестких врожденных структур, уделяется сравнительно мало места. Зато подробно рассматривается ее роль как обязательной предпосылки антропогенеза и прогрессивного развития человеческого общества. Более того, подчеркивая эту роль, Лоренц пишет, что возникновение благодаря domestikации уникальной степени свободы поведения является настолько основополагающим для человечества, что «понятие неодомащенных, "диких" — в зоологическом генетическом смысле этого слова — людей представляет собой *contradictio in adjecto!*⁵» [6, л. 8].

⁵ Противоречие в определении (лат.).

Большие опасности, которым подвергается человек из-за вызванных доместициацией потерь жестких структур поведения, теперь понимаются как неизбежные и, более того, как сущностная характеристика человеческой природы. В качестве одного из определений человека Лоренц использует здесь термин «рискованная конструкция видового образа жизни» (*die riskierte Konstruktion des Artenwandels*) [6, л. 17].

Как уже говорилось, в обеих версиях предисловия Лоренц уделяет большое внимание также и тем опасностям, которые проистекают из-за сохранения врожденных структур поведения, переставших в новых условиях выполнять полезные прежде функции. В отличие от более ранних работ, к таким вредным рудиментам он теперь относит и врожденные реакции, которые связаны с восприятием ценностей и лежат в основе этических оценок.

Лоренц постоянно подчеркивает, что неадекватное функционирование одних жестких структур наряду с потерей других, необходимых, создает огромные проблемы для сферы человеческой морали и этики. При этом в разных версиях рукописи он по-разному характеризует ситуацию, связанную с этими проблемами.

В рукописной версии Лоренц пишет, что традиционная религиозная и идеалистическая мораль оказалась несостоятельной и в том, что не смогла распознать чисто биологические причины нарушений в поведении, которые сумела понять только этология, и в том, что перестала соответствовать изменившимся социальным и культурным условиям. На взгляд Лоренца, положение усугубляется также тем, что «свободное естественно-научное материалистическое мышление лишило традиционные требования религиозной и идеалистической этики их сковывающего и безусловно обязательного характера» [9, с. 30]. Хотя, по его мнению, это необходимо для дальнейшего духовного развития человечества, оно в результате оказывается в переходной фазе, которую Лоренц сравнивает с периодом линьки у животных или с подростковым периодом у человека, когда старая жесткая структура распадается, а новая еще не возникла.

Однако в машинописной версии это сравнение с линькой относится не к разрушению традиционной этики, а непосредственно к процессу отмирания жестких инстинктивных форм поведения в ходе антропогенеза и всего дальнейшего развития человечества. Характеризуя человека как «специалиста в неспециализированности», Лоренц пишет:

Основополагающая для человеческого рода свобода мыслей и действий должна приобретаться благодаря отмиранию уже имевшихся ранее специализаций, отмиранию, которое всегда неизбежно сопровождается определенной потерей безопасности... Основополагающим для человека ... является то, что он постоянно находится в таком процессе линьки, в состоянии пластического распада структуры, что, правда, с одной стороны, оставляет для него неограниченную возможность развития в самых разных аспектах, но, с другой стороны, постоянно подвергает его — чтобы придерживаться нашего сравнения — всем опасностям беззащитного, только что перелинявшего краба! [6, л. 10].

Лоренц также указывает на важную особенность этого процесса:

Обусловленное domestikацией отмирание инстинктивных форм реакций...ведет к новой свободе поведения, к новым возможностям общественной структуры, которые, со своей стороны, снова делают ненужными другие еще имеющиеся инстинктивные специализации и делают возможным их редукцию. Но чем свободнее от инстинктов становится человек, тем свободнее он делается также и от общественных структур и специализаций другого рода, и возникает лавинообразное нарастание, настоящая оргия отмирания специализаций, которая, безусловно, не должна вести к добру и, безусловно, нуждается в стабилизирующих регулятивных принципах [6, л. 10].

Согласно весьма эмоциональному описанию Лоренца, новый регулирующий принцип, необходимый человечеству, это «проистекающая из отмирания всех специализаций специализация на новом уровне, форма в бесформенности, закон в свободе, отрицание отрицания, которое означает шаг к качественно новому, более высокому уровню социальных достижений» [6, л. 10].

Полагая, что современные системы морали, в том числе религиозной, не способны справиться с этими проблемами, Лоренц говорит о необходимости появления новой этики, соответствующей новой фазе развития человечества. Причем в машинописном, более позднем, варианте предисловия он уделяет особенностям и задачам этой новой этики больше внимания, чем в рукописном. Эта новая «социальная мораль», по мысли Лоренца, должна осуществлять двойную компенсаторную работу. С одной стороны, она должна компенсировать лавинообразно нарастающий распад жестких структур, а с другой — должна противостоять проявлениям отживших «злых» инстинктов [6, л. 11]. Лоренц пишет здесь об этой новой морали с большим пафосом и, пожалуй, возлагает на рациональную мораль гораздо большие надежды, чем в своих более поздних работах. Он выражает уверенность, что «рациональная, в кантовском смысле, моральная ответственность» может действовать в гармонии с функционирующим врожденных автоматизмов [6, л. 17].

Каким же образом могут возникнуть эта новая мораль и новая ответственность? Лоренц отвергает возможность их создания с помощью науки. В рукописном, раннем, варианте рукописи он высказывает осторожное предположение, что это — задача будущей новой философии. Однако в машинописном, более позднем, варианте он пишет об утопическом заблуждении — «думать, что человеческое общественное устройство можно изменить исключительно благодаря "учению"». Он утверждает, что новая этика возникнет «сама собой, без нашего сознательного участия». Роль науки в этом процессе состоит, по мнению Лоренца, в том, чтобы помогать создавать условия жизни, в которых такая мораль развивается естественным образом [6, л. 11]. И тут он, видимо, желая сделать реверанс в сторону советской идеологии, добавляет, что именно это уже начала с большим успехом делать марксистская социология [6, л. 11—12].

Описывая в машинописной версии замысел посвященной человеку последней части книги и каждой из ее семи глав, Лоренц заявляет, что этология смотрит на человека «как на животное среди животных», и такой специфический

для нее ракурс позволяет увидеть «особые свойства и достижения, каждое из которых само по себе является причиной в лучшем случае для отделения человека от высших дочеловеческих организмов в количественном отношении, но которые все вместе уже дают все-таки понять в значительной степени предпосылки тех огромных качественных изменений, которые мы привыкли называть антропогенезом» [6, л. 16]. И начальные четыре главы как раз должны были рассказывать о четырех таких предпосылках. Первая из них — хватательная функция руки, которая представляет собой, по мнению Лоренца, высшую специализацию ориентировочных реакций и основу пространственного образного мышления. Второй предпосылкой он считает свойственное всем высшим животным поведение любопытства, которое «является специализацией к неспециализированности и, как таковое, предпосылкой той разносторонности, в которой мы усматриваем основополагающее свойство человека, той открытости миру, в которой Гелен⁶ видит свойство, само по себе достаточное для определения человеческого рода» [6, л. 16]. В качестве третьей предпосылки антропогенеза, тесно связанной со второй, Лоренц рассматривает «задержку или замедление в развитии». В отличие от всех животных, у которых поведение любопытства «ограничено короткой фазой в онтогенезе», у человека, утверждает Лоренц, «сохранение открытости миру до старости означает не что иное, как стойкое сохранение юношеских признаков» [6, л. 16]. Такое сохранение молодости, согласно Лоренцу, является одним из проявлений доместикации — четвертой из перечисленных им предпосылок антропогенеза, которой он собирался посвятить четвертую главу этой части. Лоренц пишет, что потеря жестких структур поведения в процессе доместикации, предоставляя человеку новую свободу действий, «избавляет его от участи других любопытных существ — застыть в рамках приобретенных привычек» [6, л. 16].

В пятой главе речь должна была идти об опасностях, постоянно сопровождающих человека из-за потери этих жестких структур. А в двух последних главах Лоренц предполагал показать, каким образом преодолеваются эти опасности, связанные с невероятной лабильностью поведения у человека. В шестой главе под названием «Ответственное существо» Лоренц собирался объяснить, как свойственные человеку врожденные формы восприятия, играющие важнейшую роль в создании картины мира, способны действовать согласованно с рациональной моралью. И наконец, последнюю главу Лоренц хотел посвятить восприятию ценностей. Он утверждает, что субъективное восприятие ценностей у человека связано с функционированием врожденных форм восприятия, которые по своей сути являются телесными физиологическими органами. Это представление он считает важнейшим вкладом этологии «в материалистическую этику и философию ценностей» [6, л. 17].

Лоренц довольно подробно разбирает здесь свой этологический подход к восприятию ценностей, и данный фрагмент текста [6, л. 17—18] фактически является отредактированным вариантом того, что уже было написано в рукопис-

⁶ Арнольд Гелен (1904 — 1976) — немецкий философ, представитель философской антропологии.

ной версии предисловия [9, с. 38—39]. Там тоже о восприятии ценностей подробно говорится при описании последней части будущей книги, но не упоминается, что это содержание последней главы.

Практически все темы предполагаемых глав, посвященных человеку, впоследствии были подробно рассмотрены Лоренцом в его статьях 1950-х гг. (см., например, [26; 27]) и примерно в том же духе, в каком они были намечены в машинописном варианте предисловия.

Однако интересно, что некоторые его мысли, касающиеся восприятия ценностей человеком, которые он высказал в работе 1943 г. «Врожденные формы возможного опыта», в последний раз фигурируют, хотя и в ином изложении, именно в «Русской рукописи» (в данном случае в обоих ее вариантах). Лоренц утверждает здесь (цитирую по машинописной версии), что «точно так же, как за нашими формами восприятия пространства, времени и причинности находится нечто реальное во внесубъективном мире вещей, так же и тому, что в субъективном переживании» человека кажется чем-то «высшим, даже божественным», соответствует нечто «в реальном мире» [6, л. 18]. Этой реальностью он считает результат биологической эволюции, в процессе которой из более низших, а именно из более простых и более вероятных форм, регулярно возникали высшие — более сложные и более невероятные, прежде никогда не существовавшие. Лоренц убежден, что в биологии понятия «низших и высших животных могут определяться без привлечения субъективного восприятия ценностей» [6, л. 18]. Самые близкие к этому высказывания содержатся только в его знаменитой книге «Так называемое зло: Естественная история агрессивности» (1963) [28]. Но там он просто говорит, что в анализе биологических основ поведения человека нет ничего для него оскорбительного, так как и природа не лишена ценностей. Однако он не проводит связи между субъективным восприятием высшего и низшего и природной реальностью, как он это делает в «Русской рукописи».

Я позволю себе высказать предположение, что Лоренц тем не менее продолжал придерживаться этих идей из-за своего убеждения в духе романтического монизма, что истинное творчество присуще как природе, так и человеку и при этом имеет общую причину. В машинописном варианте предисловия к «Русской рукописи» он только пишет, что для того, чем занимается органический мир в ходе эволюции, «в нашей речи нет никакого другого глагола, кроме "творить" (schaffen)» [6, л. 18]. В развернутой и открытой форме он снова высказал это убеждение в своей поздней книге «Упадок человеческого» (1983), поясняя, что придерживался его уже с 1940-х гг. [30].

Итак, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что хранящийся в Москве машинописный вариант «Русской рукописи» в большей степени отражает происходившие в 1940-х гг. изменения во взглядах Лоренца на этиологию человека по сравнению с рукописным вариантом; в машинописной версии Лоренц излагает представления, близкие к тем, что он стал развивать в 1950-е гг. Кроме того, в машинописной версии этой рукописи изложены некоторые мысли (например, о новой этике), которые он, насколько мне известно, в других своих работах больше не высказывал.

Сохранившиеся две версии рукописи дают также возможность если не понять причины этих изменений во взглядах, то по крайней мере проследить за тем, как именно они происходили, увидеть фазы этой трансформации, которые оказались зафиксированы только здесь.

В работе с архивными материалами большую помощь мне оказали сотрудники Российского государственного военного архива: заместитель директора Владимир Иванович Кортаев, разрешивший ознакомиться с материалами Конрада Лоренца; помогавшие мне в процессе работы в архиве заместитель начальника Отдела информационного обеспечения Ольга Александровна Зайцева и главный специалист Ольга Сергеевна Киселева, а также главный специалист Людмила Львовна Носырева, которая не только консультировала меня, но и позволила воспользоваться книгой С. Карнера, подаренной ей автором. Всем им я выражаю свою глубокую благодарность.

Литература

1. Lorenz K. Die Rückseite des Spiegels. München: Piper, 1973.
2. Lorenz K. Vergleichende Verhaltensforschung: Grundlagen der Ethologie. Wien — New York: Springer, 1978.
3. Cranach A. von. Vorwort der Herausgeberin // Lorenz K. Die Naturwissenschaft vom Menschen. Eine Einführung in die vergleichende Verhaltensforschung. Das Russische Manuscript (1944—1948). München-Zürich: Piper, 1992. S. 7—14.
4. Eibl-Eibesfeldt I. Human ethology: Origins and prospects of a new discipline // Ed. by A. Schmitt, K. Atzwanger, K. Grammer, K. Schfer. New aspects of human ethology. N. Y.—L.: Plenum Press, 1997. P. 1—23.
5. Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 460. [Опись отсутствует.] Д. 893498.
6. РГВА. Ф. 4П. Оп. 24а. Д. 36.
7. РГВА. Ф. 4П. Оп. 24а. Д. 35.
8. Соколов В. Е., Баскин Л. М. Конрад Лоренц в советском плену // Природа. 1992. № 7. С. 125—128.
9. Lorenz K. Die Naturwissenschaft vom Menschen. Eine Einführung in die vergleichende Verhaltensforschung. Das Russische Manuscript (1944-1948). München, Zürich: Piper, 1992.
10. Lorenz K. The natural science of the human species: An introduction to comparative behavioral research. The «Russian Manuscript» (1944—1948). Cambridge, Mass.: MIT Press, 1996.
11. Karner S. Im Archipelag GUPVI: Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941—1956. Wien, München: R. Oldenbourg, 1995.
12. Nisbett A. Konrad Lorenz. L.: J.M. Dent & Sons Ltd., 1976.
13. Lorenz K. My family and other animals // D. A. Dewsbury, ed. Studying animal behavior: Autobiographies of the founders. Chicago: University of Chicago Press, 1989. P. 259—287.
14. Lorenz K. (Autobiographical sketch) // Les Pris Nobel en 1973. Stockholm: The Nobel Foundation, 1974. P. 185—195.
15. Festetics A. Konrad Lorenz. Aus der Leben des großen Naturforschers. München: Piper, 1983.
16. Heinroth K. Oskar Heiroth, Karl von Frisch, Otto Koehler, Konrad Lorenz und Nikolaas Tinbergen // K. Faßmann, Hrsg. Die Großen der Weltgeschichte. Zürich: Kindler, 1978. S. 428—445.
17. Thorpe W. H. The origins and rise of ethology. N. Y.: Praeger, 1979.
18. Koenig O. Konrad Lorenz nach dem Krieg // Verhaltensforschung in Österreich / Hrsg. von O. Koenig. Wien—Heidelberg: Carl Ueberreuter, 1983. S. 61—66.
19. Koehler A. Ornithologen und Verhaltensforscher // Heinroth. O., Lorenz. K. Wozu aber hat das Vieh diesen Schnabel? Briefe aus der frühen Verhaltensforschung, 1930—1940 / Hrsg. von O. Koenig. München—Zürich: Piper, 1988. S. 315—323.

20. *Bischof N.* Gescheiter als all die Laffen: Ein Psychogramm von Konrad Lorenz. Hamburg: Rasch und Röhring, 1991.
21. Verhaltensforschung in Österreich / Hrsg. von O. Koenig. Wien—Heidelberg: Carl Ueberreuter, 1983.
22. *Гороховская Е. А.* Этология: Рождение научной дисциплины. СПб.: Алетейя, 2001.
23. *Lorenz K.* Über Ausfallserscheinungen im Instinktverhalten von Haustieren und ihre sozialpsychologische Bedeutung // Character und Erziehung: 16. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie in Bayreuth / Hrsg. von O. Klemm. Leipzig: J. A. Barth, 1939. S. 139—147.
24. *Lorenz K.* Durch Domestikation verursachte Störungen arteigenen Verhaltens // Zeitschrift für angewandte Psychologie und Charakterkunde. 1940. Bd. 59. S. 1—81.
25. *Lorenz K.* Die angeborenen Formen möglicher Erfahrung // Zeitschrift für Tierpsychologie. 1943. Bd. 5. S. 235—409.
26. *Lorenz K.* Ganzheit und Teil in der tierisch und menschlichen Gemeinschaft // Studium Generale. 1950. Bd. 3. S. 455—99.
27. *Lorenz K.* Psychologie und Stammesgeschichte // Psychologie und Stammesgeschichte / Hrsg. von G. Heberer. 2. Aufl. Jena: Fischer, 1954. S. 131—172.
28. *Lorenz K.* Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression. Wien: Borotha-Schoeler, 1963.
29. *Lorenz K.* Die acht Todsünden der zivilisierten Menschheit. München: Piper, 1973.
30. *Lorenz K.* Der Abbau des Menschlichen. München—Zürich: Piper, 1983.